

Folklore image as the subject of literary play: Brownie

There are analyzed two poems of the XIX century and shown the way the folklore image is changed in literature. There is shown that a brownie is a popular personage in the Russian literature of the XIX century. There are described the features of a folklore personage that are transferred to literature and shown the way the brownie causes literary play. There is revealed the idea that a folklore tradition gives the grounds for a literary one.

Key words: *brownie, folklore, literature, Krylov, Venevitinov, Pushkin.*

(Статья поступила в редакцию 6.08.2015)

Е.В. ТЕРЕШЁНОК
(Волгоград)

ОБРАЗ БУНТАРЯ В РОМАНЕ УВЕ ТИММА «ЖАРКОЕ ЛЕТО»

Проведен комплексный анализ художественно-композиционных и словесно-речевых средств и способов создания образа бунтаря в романе Уве Тимма «Жаркое лето», выявлены наиболее значимые аспекты создания данного образа в исследуемом произведении.

Ключевые слова: *художественный образ, способы экспликации художественного образа, интродукция образа персонажа, портрет персонажа, речевая характеристика персонажа, описание поступков персонажа, категория авторского отношения.*

Цель нашей статьи – анализ образа бунтаря в романе современного немецкого писателя Уве Тимма «Жаркое лето». Ключевыми позициями анализа являются интродукция образа, портрет персонажа, речевая характеристика, описание его поступков и категория авторского отношения, при рассмотрении которых учитываются характер и функции лексических, лексико-фразеологических, морфосинтаксических средств, тропов и стилистических фигур, используемых автором для создания этого образа.

В исследовании мы применяем метод тематического расслоения текста, впервые предложенный О.С. Ахмановой и В.Я. Задорновой и получивший дальнейшее развитие и уточнение в работах Е.Б. Борисовой. Он состоит из нескольких этапов: сначала проводится тематическое расслоение материала, т.е. выделение из текста произведения отрывков, однородных по своему тематическому содержанию (например, образ персонажа, авторские пейзажные описания и т.д.). Затем полученный материал выстраивается в виде последовательных отрезков текста, в своей совокупности дающих полное представление о данном речевом «слое» произведения, причем эти текстовые отрезки могут быть снабжены пояснениями, комментариями и связками. Заключительным этапом становится научно-филологический анализ материала [2, с. 68].

Итак, перейдем к анализу вышеназванного образа. Тема протеста доминирует в творчестве У. Тимма, пронизывая практически все произведения автора, послужившие материалом для нашего исследования. Он описывает различные формы протеста: студенческое движение в Германии конца 1960-х гг. («Жаркое лето», «Друг и чужак», «Красный цвет»), неприятие общественного устройства в ГДР и ФРГ в более поздние годы («Ночь чудес», «Красный цвет»), поступки, идущие вразрез с законами военного времени в гитлеровской Германии весной 1945-го («Открытие колбасы карри»). Свое воплощение тема протеста находит в образе бунтаря, который мы в рамках данной статьи хотели бы более подробно рассмотреть на примере образа Ульриха Краузе, главного героя романа «Жаркое лето».

Роман «Жаркое лето» (1974 г.) не был литературным дебютом У. Тимма, поскольку тот уже заявил о себе несколькими годами ранее как поэт и эссеист. Однако именно «Жаркое лето» стало первым произведением крупной формы у автора и принесло ему известность не только в Германии, но и за ее пределами. В 1978 г. роман был издан в СССР.

«Жаркое лето» рассказывает об основных политических идеях студенческого движения в Западной Германии и попытке их претворения в жизнь. Молодежные волнения, начавшиеся в связи с движением протеста против войны во Вьетнаме, в 1960-х гг. охватили многие страны, не обойдя стороной и Западную Германию.

Немецкое студенческое движение возникло в 1961 г., а его ведущей силой был Социалистический союз немецких студентов (ССНС). Характерной чертой немецкого студенческого движения являлась критика переосмысления национально-социалистического прошлого Германии. Молодые люди осуждали приход к власти в послевоенной Германии «поколения палачей» Третьего рейха, а также позицию своих родителей, закрывших глаза на недавние преступления нацистского режима и сконцентрировавшихся лишь на достижении материального благополучия.

Пик студенческих волнений пришелся на 1967–1968 гг. Событиями, вызвавшими массовое движение протеста, послужили убийство полицейским студента Б. Онезорга 2 июня 1967 г. на демонстрации против визита иранского шаха М.Р. Пехлеви в Берлин и покушение на лидера ССНС Р. Дучке 11 апреля 1968 г. Покушение на Дучке усилило начавшуюся радикализацию движения, которое в то же время стало разделяться на борющиеся друг с другом течения, вплоть до мелких террористических группировок, и, в конце концов, прекратило свое существование. Однако идеи 1968 г. нашли продолжение в деятельности групп, ставящих своей целью построение гражданского общества – таких как экологи, пацифисты, женское движение, гражданские инициативы и др.

Неоспорим тот факт, что студенческое протестное движение, став важным этапом в истории ФРГ, повлекло за собой различные изменения политического и культурного характера, способствовало слому многих стереотипов и догм, либерализации общественной жизни и выявлению новых ценностных ориентаций [7; 8].

Главный герой романа «Жаркое лето» – студент Ульрих Краузе, находящийся в самой гуще протестов 1967–1968 гг. Мы знакомимся с ним уже на первых страницах произведения. Повествование начинается со сцены расставания Ульриха и его подруги Ингеборг:

Sie hatte aufgehört zu weinen. Nur hin und wieder noch schluchzte sie auf.

Er lag unbeweglich.

Von der Straße herauf Stimmen, Schritte, dahinter: das gleichmäßige Rauschen der Stadt.

Er roch ihren Schweiß: sauer, mit einem Stich Parfüm. Das zerknüllte Lacken drückte im Rücken.

In einer Wiese liegen, stellte sich Ullrich vor. In der hereinbrechenden Dämmerung die aufsteigende feuchte Kühle spüren [13, с. 7].

Использование личного местоимения *er* в качестве формы интродукции персонажа создает атмосферу доверительности: кажется, что поднимается занавес и читатель становится свидетелем действия, разворачивающегося прямо у него на глазах. Какие-либо пояснения, предшествующие изображаемой сцене, отсутствуют – происходит непосредственное вовлечение читателя в происходящее [10, с. 168].

С первых строк романа У. Тимм акцентирует внимание на эмоциональном состоянии героя: так, мысли Ульриха о луговой прохладе подчеркивают тот факт, что сложившаяся ситуация ему неприятна, и говорят о его желании оказаться вдали от всего этого. Шум большого города передается в вышеуказанном отрывке с помощью аллитерации (повторение согласного звука [ʃ] в существительных *Straße, Stimmen, Schritte, Rauschen, Stadt*), контрастируя с описанием вечернего луга. Здесь У. Тимм использует ассонанс (повторение гласных звуков [i:] в словах *Wiese* и *liegen* и [y:] в словах *Kühle* и *spüren*), рисуя картину покоя, безмятежности. Дополнительную яркость данному фрагменту придает простой эпитет с прямым значением (*feuchte Kühle*).

Описание внешности главного героя пока отсутствует, однако читатель достаточно быстро получает информацию о социальном статусе персонажа: он студент университета, изучающий германистику. Учеба не оправдывает ожиданий Ульриха, свидетельством чего могут служить его слова, обращенные к соседу Лотару: <...> *dieses Professorenequatsche über Hölderlin. Mich kotzt das an, rief Ullrich* [13, с. 11].

Степень разочарования, испытываемого Ульрихом, эксплицируется через употребление содержащего пренебрежительную оценку слова *Professorenequatsche*, имеющего сильную отрицательную коннотацию грубого выражения *Mich kotzt das an* и инверсии (в предложении *Mich kotzt das an, rief Ullrich* личное местоимение *mich* в функции прямого дополнения поставлено на первое место с целью эмфазы).

В сцене расставания с Ингеборг Ульрих предстает перед нами как человек, подавляющий свои истинные чувства. Он прячет их за маской холодного равнодушия: *Er versuchte, sie möglichst gleichgültig anzusehen* [Там же, с. 8].

Ульрих хочет остановить уходящую Ингеборг, но не делает этого. Противоречие между желаниями и поступками главного персо-

нажа показано через употребление простой антитезы:

Sie drehte sich um, ging zur Tür, schloß auf, das Gefiedel wurde lauter, sie zog die Tür von außen ins Schloß.

<...> **Er dachte, daß er sie jetzt zurückrufen müßte, aber er blieb liegen** [13, с. 8].

Душевное состояние Ульриха находит отражение в его речи, эмоциональность которой передается автором через употребление разговорной, временами сниженной лексики, инверсии и эллиптических конструкций.

Итак, художественно-композиционные и языковые средства интродукции образа персонажа позволяют читателю составить первое впечатление о главном герое как о человеке, находящемся не в ладах с самим собой и испытывающем недовольство, причины которого еще не раскрыты автором до конца.

Описанию внешности главного персонажа уделяется не очень много внимания – У. Тимма гораздо больше интересуют внутренний облик Ульриха, его поступки и эмоциональное состояние. Так называемые «портретные вкрапления» [5, с. 136] рассредоточены по всему тексту произведения, в то время как развернутая характеристика внешности главного героя отсутствует. Мы узнаем, что у Ульриха длинные волосы (*Ullrich sah, wie sich die Passanten nach ihnen umdrehten. Ihre langen braunen Beine, das kurze Kleid, vielleicht auch seine langen Haare* [13, с. 102]) и что он носит джинсы и рубашку поло (*Er trank den Nescafé aus, zog die Badehose an, darüber die Jeans, dann das Poloheemd* [Там же, с. 40]). Увлечшись идеями ССНС, Ульрих решает купить себе куртку-парку – типичную одежду студентов-участников протестного движения:

Die Parka, die Petersen trug, erschien ihm besonders praktisch. Ullrich fand seinen blauen Regenmantel plötzlich albern.

<...> **Er nahm sich vor, sofort eine solche Parka zu kaufen, auch wenn er sich das Geld dafür leihen müßte** [Там же, с. 139–140].

Первоначально являвшаяся одним из видов военной униформы, парка в конце 1960-х гг. приобрела широкую популярность среди гражданского населения, особенно среди оппозиционного студенчества. Ношение парки стало новым способом протеста против политики милитаризма – военная одежда превращалась в гражданскую, лишаясь своего традиционного предназначения [9]. На протяжении всего повествования стиль одежды главного

героя несколько раз претерпевает изменения, находясь в непосредственной зависимости от его взглядов и образа жизни.

Речевая партия Ульриха представлена в первую очередь диалогической речью, которая вводится или сопровождается такими глаголами речи, как *sagen, schreien, rufen, fragen, wiederholen, meinen, anfahren, bitten, sich erregen, brüllen, widersprechen* и т.д. Характерной чертой графического оформления прямой речи является отсутствие кавычек. Двоеточием и тире У. Тимм, как правило, также пренебрегает, так что необозначенная кавычками прямая речь отделяется от речи автора лишь запятой: *Ullrich sagte, wieder einer, der Hitler nachtrauert* [13, с. 25].

Спецификой диалога обусловлены эллиптичность высказываний Ульриха, употребление им усеченных форм глаголов, местоимений и артиклей, а также пропуск союзов. Приведем примеры: *Ich hab Schluß gemacht, sagte Ullrich* [Там же, с. 11]; *Ach so, sagte Ullrich, dafür bekommt man einen Schein, den braucht man fürs Examen* [Там же, с. 30]. Здесь налицо употребление усеченных форм глаголов (*ich hab* вместо *ich habe*) и определенного артикля (*fürs Examen* вместо *für das Examen*).

Нижеследующая реплика Ульриха вне контекста была бы непонятной, т.к. в выделенных нами фрагментах сложного бессоюзного предложения позиции подлежащего и сказуемого остаются незамещенными. Использование автором бессоюзной связи придает высказыванию персонажа живость и динамичность:

Ich muß gerade ein Referat über eine Hölderlin-Ode schreiben.

Ode?

Eine Art Gedicht, also Ode interessiert mich nicht, ein Vergleich verschiedener Fassungen, völlig blödsinnig [Там же, с. 29].

Фонографическое оформление речи Ульриха характеризует его как образованного человека, говорящего на литературном варианте немецкого языка и не употребляющего никаких диалектных форм. Однако периодически главный герой допускает использование сниженной разговорной лексики. Резкость речи Ульриха напрямую связана с его эмоциональным состоянием – с помощью грубых слов и ругательств он выражает свое отрицательное отношение к происходящему, раздражение, возмущение, недовольство. Приведем примеры:

Was macht überhaupt deine Seminararbeit, fragte Bungert unvermittelt. <...>

Scheiß doch der Hund drauf, sagte Ullrich. *So was sollen die grauen Seminarmäuse schreiben, die Überfleißigen, die immer noch in den Bibliotheken hocken und Papa Goethe lesen. Die sind schon eingestaubt, die haben doch Patina angesetzt. Diese Fachidioten* [13, с. 158].

Ульрих разочарован в учебе в университете, и на вопрос Бунгерта о том, как продвигается написание его семинарской работы, главный герой дает хлесткий ответ. Помимо ругательства *scheiß doch der Hund drauf* и пренебрежительного выражения *diese Fachidioten*, реплика Ульриха содержит целый ряд приемов и средств выразительной и образной речи, позволяющих читателю увидеть отрицательное отношение главного героя к учебе в университете и его нежелание походить на студентов, проводящих все свое время в библиотеках. Ульрих сравнивает этих студентов с серыми мышами, покрытыми пылью, употребляя окказиональную зооморфную метафору *die grauen Seminarmäuse* и металепис *eingestaubt*. Дополнительную экспрессивность высказыванию придают ирония (*Papa Goethe*), артефактная метафора (*Patina angesetzt*), повтор указательного местоимения *die* и бессоюзие.

Наряду с диалогической речью речевая партия главного героя романа представлена малыми вкраплениями внутренней речи и несобственно-прямой речью с такими ее разновидностями, как несобственно-авторское повествование, изображенная речь (внутренняя несобственно-прямая речь) и косвенно-прямая речь.

Внутренняя речь Ульриха Краузе сопровождается авторскими ремарками, в которых употребляются глаголы *denken* и *sich fragen*, и служит выражением мысленной реакции главного героя на происходящее. Следует указать на насыщенность внутренней речи Ульриха эмфатическими и вопросительными предложениями. В приведенном ниже примере главный персонаж находится под впечатлением от выступления Конни, одного из лидеров ССНС, что и отражают его мысли: *Wie der redet, dachte Ullrich. So mußte man reden können, so locker und unverkrampft* [13, с. 148]. Данное предложение, хотя и не отмеченное восклицательным знаком, является восклицательным по своему эмоциональному содержанию, а эмфаза дополнительно показана при помощи лексического повтора (*reden, so*).

Несобственно-прямая речь и ее виды дают автору возможность описывать ощущения героя с точки зрения самого героя. Слово действующему лицу как бы и не передается, одна-

ко в изложение вводятся лексические единицы, характерные фактически для речевой партии героя, учащается разговорная инверсия, увеличивается количество указательных местоимений [5, с. 172]. Взаимодействие голоса автора и голоса персонажа придает повествованию большое экспрессивное и стилистическое разнообразие [1, с. 267], позволяет более явно выразить позицию персонажа и лучше раскрыть его внутренний мир.

Так, например, в следующем текстовом фрагменте, описывающем дискуссию в захваченном студентами лекционном зале, мы имеем дело с несобственно-авторским повествованием:

Einer redet, viele rauchen. Einer meldet sich und nennt seinen Namen. Der Name wird von dem Diskussionsleiter mit der Nummer 24 auf die Wand geschrieben, die auf dem Podium des Hörsaals steht. Derjenige, der gerade redet, fragt ob das Oberseminar von Renke gesprengt werden soll. Jetzt redet nicht mehr einer, jetzt reden viele [13, с. 134].

Читатель смотрит на происходящее глазами главного героя, находящегося в описываемом месте. Впечатления переданы с помощью слов, которые могли быть сказаны только непосредственным участником событий: наречия *gerade* и *jetzt*, указательное местоимение *derjenige*.

Таким образом, речевая партия Ульриха Краузе позволяет выявить такие его черты, как образованность, живость ума, остроты, импульсивность, а также эмоциональность и категоричность.

Обратимся к анализу поступков героя – ведь именно через них автор показывает его как личность [2, с. 292]. Итак, Ульрих изучает германистику в Мюнхене. Чтобы быть допущенным к выпускному экзамену, ему необходимо написать последнюю работу. Но неожиданно учеба начинает казаться ему ничемным занятием, а мысли о проводимых в авторитарном стиле семинарах с засильем ответственности вызывают страх и подавленность, и даже физическое недомогание:

Er überlegte, ob er ins Seminar fahren sollte. Er hatte den Heidegger-Aufsatz nicht gelesen, der in der heutigen Seminarsitzung diskutiert werden sollte. Maier konnte ihn mit dem Finger zwingen, die Sätze zu Ende zu sprechen. Da war wieder dieser Druck hinter der rechten Schläfe [13, с. 40].

В главном герое растет скрытое недовольство, оно принимает постоянный характер и

проявляется по любому поводу. Ульрих испытывает отвращение к той жизни, которую ведет, не пытаясь пока, однако, докопаться до сути происходящего с ним.

Ряд случайных событий (рассказ знакомого о рабочем, во времена Третьего рейха нелегально печатавшем и распространявшем листовки, ставший для Ульриха символом активного протеста против репрессивных общественных отношений; статья в журнале «Шпигель» о военных действиях американцев во Вьетнаме; известие о гибели студента Б. Онезорга) помогает протагонисту романа увидеть связь между насилием со стороны государства, жестоко расправляющегося с недовольными его политикой, и своим чувством подавленности – точно так же, как и ту связь, которая существует между стремлениями участников протестного движения и представлениями Ульриха о счастье [10, с. 183–184]. Состояние главного героя отражает настрой, царивший в то время в прогрессивных кругах немецкой молодежи, – недовольство сложившейся общественно-политической ситуацией и желание перемен.

Известие о смерти берлинского студента Бенно Онезорга приводит Ульриха в ярость и заставляет его впервые принять участие в демонстрации протеста:

Er sah viele schwarze Fahnen, aber auch einige rote. Es wurde nirgendwo gelacht, aber überall geredet und diskutiert.

Und neben seiner Wut und Empörung spürte er plötzlich auch so etwas wie Freude <...>, eine Freude, die er zu unterdrücken suchte, weil sie ihm unpassend erschien. Und dann diese ziellose Unruhe, die er bei sich selbst entdeckt hatte, seit jener Nacht, als er von dem Tod Benno Ohnesorgs gehört hatte, eine Unruhe, die sich von Tag zu Tag verstärkt hatte. Diese Unruhe spürte er auch in den anderen, hier auf diesem heißen Vorplatz. Erst als sich der Demonstrationzug formierte, legte sich die Unruhe [13, с. 61].

Употребление сложной антитезы (*Es wurde nirgendwo gelacht, aber überall geredet und diskutiert.*) придает описанию яркую экспрессию и подчеркивает серьезность мероприятия, поводом для которого послужило трагическое событие. Противоречивость чувств Ульриха (возмущение убийством студента и радость от встречи с единомышленниками) передана автором через использование оксюморона (*Und neben seiner Wut und Empörung spürte er plötzlich auch so etwas wie Freude*). Многократный лексический повтор имен существитель-

ных *Freude* и *Unruhe* в сочетании с бессознательной связью обращает наше внимание на внутреннее состояние Ульриха и отображает стремительный ход его мыслей.

Ульрих решает перевестись в Гамбургский университет, где сразу же оказывается в эпицентре студенческих волнений: он участвует в срыве лекции, свержении с пьедестала памятника колониальному губернатору Герману фон Висману и поджоге полицейской машины, знакомится с членами ССНС и начинает посещать его собрания.

Узнав о покушении на Р. Дучке, Ульрих вместе с другими студентами устремляется на строительство баррикады перед зданием издательства «Аксель Шпрингер» с целью нарушения доставки газеты «Бильд», инициировавшей травлю Дучке:

Er hatte gewußt, wohin er laufen mußte. Er war schon gestern hier gewesen. Er wußte, wo der Grund lag, plötzlich kannte er ihn, den Grund für seinen Haß, für seine Einsamkeit, seine Ziellosigkeit, seine Angst, seine Lügen, seine Gehässigkeit, für sein Aufschneiden, seinen Neid und immer wieder für die Lügen [13, с. 220].

В данном примере сразу несколько видов повтора: лексический анафорический повтор личного местоимения *er*; анноминация, т.е. повтор слова в разных падежных формах (*der Grund, den Grund*); полиптот, т.е. повтор слов в разных грамматических формах (*hatte gewußt* и *wußte; seinen, seine* и *sein*); семантический повтор (близкие по значению глаголы *wissen* и *kennen*). Все вышперечисленные виды повтора и обособление *plötzlich kannte er ihn, den Grund für seinen Haß* акцентируют внимание читателя на том, что Ульрих наконец-то понимает причину своего недовольства. Конкретизация душевного состояния главного героя достигается с помощью синтаксической конвергенции – группы предложных дополнений в винительном падеже, выраженных связанными со словом *Grund* существительными (*den Grund für seinen Haß, für seine Einsamkeit, seine Ziellosigkeit, seine Angst, seine Lügen, seine Gehässigkeit, für sein Aufschneiden, seinen Neid und immer wieder für die Lügen*).

Проходит время, и Ульрих перестает принимать участие в демонстрациях, раздате листовок и планировании различных акций протеста ССНС, а когда Петерсен спрашивает, почему тот больше не приходит в подвал, где проводятся собрания ССНС, главный герой дает следующий ответ:

Ohne Phantasie vertrocknet man doch, erregte sich Ullrich. Wie im Keller. Diese Diskussionen. Dieses Gequatsche über die Kategorien des Kapitals. Da trocknet man aus, da verdurstet man. Ohne Phantasie, ohne Spiel, was soll das für eine neue Gesellschaft werden? Lauter vertrocknete Seminar marxisten. Die Langeweile. Das ist der gesellschaftliche Wärmetod [13, с. 239].

Как видно из вышеприведенного текстового фрагмента, Ульрих считает дискуссии членов ССНС оторванными от действительности, теоретизированными, скучными и лишеными фантазии, которую он косвенно сравнивает с живой влагой. По мнению главного персонажа, общество, состоящее из таких марксистов-теоретиков, нежизнеспособно. Важность затронутой темы вызывает аккумуляцию целого набора стилистических приемов, таких как фитоморфная (*Ohne Phantasie vertrocknet man doch*), натуроморфная (*da trocknet man aus*), физиологическая (*da verdurstet man*) и медицинская (*der gesellschaftliche Wärmetod*) метафоры, окказиональный эпитет (*vertrocknete Seminar marxisten*), лексический повтор (*ohne man da*), лексический анафорический повтор (*ohne Phantasie*), частичный повтор (*vertrocknen, austrocknen*), полиптот (*vertrocknet/vertrocknete* и *dieses/diese*), инверсия (*Ohne Phantasie vertrocknet man doch*), парцелляция (*Wie im Keller. Diese Diskussionen. Dieses Gequatsche über die Kategorien des Kapitals. Da trocknet man aus, da verdurstet man. <...> Die Langeweile.*), риторический вопрос (*was soll das für eine neue Gesellschaft werden?*).

В дальнейшем Ульрих кардинально перестраивает свою жизнь, действуя в соответствии с принципом «Хочешь изменить мир – начни с себя»: он медитирует, слушает музыку, курит марихуану и пишет лозунги на дорогах пешеходных переходов. Затянувшаяся учеба главного героя и его образ жизни становятся поводом для разлада и без того шатких отношений между Ульрихом и его отцом. И опять наступает момент разочарования: чем глубже Ульрих погружается в субкультуру, тем меньшее удовлетворение он от этого испытывает.

После неудачной попытки организовать уличный театр для рабочих Ульрих устраивается на моторный завод, видя в этом возможность проведения агитационно-просветительской работы среди коллег. На заводе Ульрих знакомится с коммунистом Роландом, который убеждает главного героя в том, что, став учителем, Ульрих сможет принести обществу гораздо большую пользу, чем

в качестве рабочего. Ульриху требуется некоторое время, чтобы признать правоту Роланда. В разговоре с Петерсенем Ульрих формулирует свою новую жизненную позицию так: *Jeder an seinen Platz. Und organisiert. Als Einzelkämpfer machen sie dich fertig* [13, с. 220]. Важность принятого главным персонажем решения эксплицируется через использование парцелированных конструкций (*Jeder an seinen Platz. Und organisiert.*), придающих отдельным особым значимым в смысловом отношении частям высказывания весомость.

Роман заканчивается описанием возвращения Ульриха в Мюнхен, где он планирует возобновить свою учебу в университете. Резюмируя сказанное выше, отметим, что поступки главного героя характеризуют его как человека активного, открытого для новых идей, увлекающегося, равнодушного к проблемам как общества в целом, так и его отдельных индивидуумов. Будучи человеком достаточно молодым, Ульрих Краузе все еще находится в поиске себя и своего предназначения в жизни, чем, на наш взгляд, объясняются его неуверенность и некоторая непоследовательность поведения.

Рассмотрим последний аспект создания образа литературного персонажа – категорию авторского отношения. Авторское отношение является сквозным аспектом, пронизывающим все остальные, но оно может также выражаться в прямых репликах других персонажей и авторских комментариях [2, с. 335].

В романе «Жаркое лето» прямая оценка главного героя автором практически отсутствует. У. Тимм предпочитает описывать эмоциональное состояние Ульриха, его поступки и реакцию на них других действующих лиц произведения, предоставляя читателю самому судить о чертах характера главного персонажа, проявляющихся в том или ином конкретном случае. Такой способ изложения рассчитан на внимательного и вдумчивого читателя, готового к активному прочтению произведения.

В заключение подчеркнем, что ключевые позиции в создании художественного образа бунтаря в романе У. Тимма «Жаркое лето» занимает речевой портрет, а также художественно-композиционные и словесно-речевые средства описания поступков персонажа. Автор наделяет главного героя рядом качеств, вызывающих у читателя симпатию, однако ни в коем случае не идеализирует его.

Ульрих Краузе – типичный представитель политически активной западногерманской мо-

лодежи конца 1960-х гг. с ее взглядами, интересами и стремлениями. На его месте могли бы оказаться многие из представителей описанной в романе эпохи. Однако не подлежит сомнению и тот факт, что главный герой обладает яркой индивидуальностью, проявляющейся в его речевой партии благодаря использованному писателем разнообразным стилистическим средствам (индивидуальные сквозные повторы, окказиональные метафоры и эпитеты, слова с индивидуально-ассоциативным значением и т.д.). Таким образом, Уве Тимму удалось нарисовать запоминающийся портрет бунтаря, позволяющий читателю глубже понять динамику социально-политических процессов в Западной Германии того времени.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002.
2. Борисова Е.Б. Художественный образ в английской литературе XX века: типология – лингво-поэтика – перевод: дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2010.
3. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004.
4. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. 3-е изд., испр. М.: Рольф, 2001.
5. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностранный язык». 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1988.
6. Москвин В.П. Стилистика русского языка: приёмы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): пособие для студ. Волгоград: Учитель, 2000.
7. Сеткова Ю. «Поколение 1968» – революционное студенчество ФРГ. URL: <http://dw.de/p/Doi8> (дата обращения: 31.03.2015).
8. Студенческое движение в ФРГ и Западном Берлине (1960-е). URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1575425> (дата обращения: 31.03.15).
9. Modestile & Trends des 20. Jahrhunderts: die Mode der 70er Jahre. URL: <http://www.modeopfer110.de/mode-know-how/modetrends-der-20er-80er/die-mode-der-70er.html> (дата обращения: 11.04.2015).
10. Prinz A. Der poetische Mensch im Schatten der Utopie. Zur politisch-weltanschaulichen Idee der 68-er Studentenbewegung und deren Auswirkung auf die Literatur. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1990.
11. Scharloth J. Revolution der Sprache? Die Sprache der 68er. URL: <http://www.bpb.de/geschichte/deutsche-geschichte/68er-bewegung/51840/sprache-der-68er?p=all> (дата обращения: 17.04.2015).
12. Siegfried D. Sound und Revolte. Konsumkultur und alternativer Alltag. URL: <http://www.bpb.de/geschichte/deutsche-eschichte/68erbewegung/51803/sound-und-revolte?p=all> (дата обращения: 17.04.2015).
13. Timm U. Heißer Sommer. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2007.

* * *

1. Arnol'd I.V. Stilistika. Sovremennyy anglijskij jazyk: uchebnik dlja vuzov. 5-e izd., ispr. i dop. M.: Flinta: Nauka, 2002.

2. Borisova E.B. Hudozhestvennyj obraz v anglijskoj literature XX veka: tipologija – lingvopojetika – perevod: dis. ... d-ra filol. nauk. Samara, 2010.

3. Brandes M.P. Stilistika teksta. Teoreticheskij kurs: uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Progress-Tradicija; INFRA-M, 2004.

4. Golub I.B. Stilistika russkogo jazyka. 3-e izd., ispr. M.: Rol'f, 2001.

5. Kuharenko V.A. Interpretacija teksta: ucheb. posobie dlja stud. ped. in-tov po spec. № 2103 «Inostrannyj jazyk». 2-e izd., pererab. M.: Proshvenie, 1988.

6. Moskvin V.P. Stilistika russkogo jazyka: prijomj i sredstva vyrazitel'noj i obraznoj rechi (obshhaja klassifikacija): posobie dlja stud. – Volgograd: Uchitel', 2000.

7. Setkova Ju. «Pokolenie 1968» – revoljucionnoe studenchestvo FRG. URL: <http://dw.de/p/Doi8> (дата obrashhenija: 31.03.2015).

8. Studencheskoe dvizhenie v FRG i Zapadnom Berline (1960-e). URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1575425> (дата obrashhenija: 31.03.15).

Image of a rebel in the novel by Uwe Timm “The Hot Summer”

There is carried out the complex analysis of the artistic and compositional, verbal and speech devices and creation methods of a rebel image in the novel by Uwe Timm “The Hot Summer”, revealed the most significant aspects of the image creation in the work under consideration.

Key words: artistic image, ways of explication of an artistic image, introduction of a personage image, description of personage's actions, category of author's attitude.

(Статья поступила в редакцию 7.08.2015)